

УДК 821.511.111

ГАРМОНИЯ ТРАГИЧЕСКОГО В ПОЭЗИИ УУНО КАЙЛАСА*

Е. Г. Сойни

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена выдающемуся финскому лирику Ууно Кайласу, в творчестве которого исторические темы, трагическое мироощущение соединяются с тонкими поэтическими интонациями, экспрессионистские идеи – с классическим стихосложением. В статье показана многогранность его творчества, приводятся доводы, что клеймо реакционера не соответствует лирике Кайласа, его пониманию истории и вере в назначение поэзии.

Ключевые слова: поэзия Финляндии XX века, историческое и иррациональное, направление пламеносцев, декламации военного времени, экспрессионизм.

H. G. Soini. THE HARMONY OF THE TRAGIC IN UUNO KAILAS' POETRY

The article is devoted to the famous Finnish lyric poet Uuno Kailas. Historical themes, the tragic worldview in his works are combined with subtle poetic notes. Kailas is known as a "reactionary", but we prove that the label of a "reactionary" does not go with Kailas' lyrics, his understanding of the history and his faith in the purpose of poetry.

Keywords: 20th century Finnish poetry, the historical and the irrational, the Torch-bearers, wartime recitations, modernism.

Наряду с Эйно Лейно и Катри Вала выдающийся финский лирик Ууно Кайлас (Uuno Kailas Salonen, 1901–1933) является бесспорным кумиром современных поэтов Финляндии. Матти Кууси принадлежит известная фраза: «Кайлас гениален, бессмертен, мы боготворим его» [Lilja, 1972. S. 127]. Однако в России имя Ууно Кайласа практически неизвестно.

Эйно Генрихович Карху в исследованиях о финской лирике объяснял, что не хотел бы посвящать ряду поэтов отдельные главы, в том числе и Ууно Кайласу, по идеологическим соображениям. Однако именно Эйно Генрихович обратил наше внимание на «реакционера» финской

литературы, считая, что Кайлас – один из драгоценных камней в сокровищнице литературы Финляндии; в его лирике, на взгляд ученого, «можно найти сильные стихотворения, в которых впечатляюще выражена и глубина отчаяния, и жажда надежды» [Карху, 1984. С. 19].

Знакомство с работами финских литературоведов и критиков о творчестве Кайласа подтверждает большую популярность поэта среди соотечественников. Кайласу посвятили свои исследования Енни Лилья (Jenny Lilja), Каарло Марьянен (Kaarlo Marjanen), Лаури Вильянен (Lauri Viljanen), Мауну Нийнистё (Maunu Niinistö), Пекка Лоунела (Pekka Lounela), Кай Лайтинен (Kaj Laitinen) и многие другие. Наряду с ценными наблюдениями и тонким анализом кайласовской лирики исследователи, к нашему удивлению, основное внимание уделяли тому, что

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ по проекту «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века».

стояло «за» стихами. А то, что «за» стихами могло удовлетворить любой нездоровый интерес: тут и психические отклонения, и трагедии в личной жизни, и туберкулез в неизлечимой форме. Словом, читай и толкуй, какая строка каким недугом вдохновлена. Но финское литературоведение дружно отвернулось от Кайласа как от поэта, в лирике которого можно услышать голоса голодных, увидеть труд пахаря, ощутить жажду жизни. Такое впечатление, что образ всеми обожаемого после Эйно Лейно Кайласа было необходимо представить как поэта смерти, певца всего потустороннего, ненормального, болезненного. И основания для этого были.

Мать поэта умерла, когда Кайласу было всего три года, и мальчик воспитывался у бабушки с дедушкой в строго религиозном духе. Он получил представление о человеческой жизни как о predetermined свыше и зависимой от Божьего промысла. Но мальчика удручало, что Библия, которую читала ему бабушка, была черного цвета. Увлеченный живописью, очень чувствительный к цвету и его нюансам, поэт воспринимал религию в темных оттенках. Ему хотелось бросить вызов мирозданию, быть мужчиной под стать Илерми из одноименной баллады Эйно Лейно. В 1919 году реализовать этот замысел было легко.

Кайлас уговорил своего школьного друга Бруно Шильдта отправиться в поход на Олонец. Бруно погиб, а молодой поэт всю жизнь считал себя виновным в его смерти. Кайлас демобилизовался и никогда не вспоминал об этом походе. Но диалектика смерти и жизни стала основной темой его лирики, а фатальность войны представала в его поэзии бесчеловечной и греховной. По верному наблюдению Енни Лилья, Кайлас оказался в «тисках между двумя мировоззрениями: христианским с верой в управляющего всем Бога и ницшеанским, утверждающим, что «Бог умер» [Lilja, 1972. S. 68]. Кайлас был одним из последовательных финских экспрессионистов, входил в двуязычный литературный союз «Ультра» вместе с Эдит Седергран и Эльмером Диктониусом, участвовал во всех начинаниях направления «Туленкантаят» (tulenkantajat, пламеносцев).

В направление пламеносцев входили также молодые писатели Финляндии: Эрки Вала, Элина Ваара, П. Мустапяя, Арви Кивимаа, Илмари Пимия, Юрьё Юльхя, Онни Халла и Мика Валтари. Это направление возникло в 1919 году и сразу же обратило на себя внимание. «В нашей литературе зарождается что-то новое, – писала Катри Вала в 1922 году, – это вызов бурю, как в свое время произведения Киви. Молодежь поднимается, молодежь поднимается!» [Vala, 1922].

Финские огнепоклонники начали якобы с разрушения всех традиций: ломки классического стихосложения, ниспровержения предшествующей эстетики, отречения от действительности. Себе в наследство от былых эпох они оставили единственное – жизнь и с ликованием стали почитать ее во всех проявлениях. Первый номер альманаха «Туленкантаят», название которого дало имя группе, вышел в 1924 году. Альманах начинался стихотворением Ууно Кайласа «Мы»:

Me, tomun tomu, saimme elämän.
Suin, sieraimin ja silmin yhä juomme sitä
[Kailas, 1924. S. 7].

Мы, прах из праха, унаследовали жизнь.
Ртом, ноздрями, глазами мы пьем
и пьем ее...

Пламеносцы принадлежали к поколению, перенесшему ужасы Первой мировой войны и разгром рабочей революции. «Но хотя первые поэты независимой Финляндии переживали муки войны, бедность, уродство времени, в котором происходило их становление, – писал Л. Вильянен, – все же эти молодые люди выросли в атмосфере высокой эстетики. Они были очарованы красотой позднего творчества Лейно ... их увлекала идея, что все, что было злом, осталось позади, и таким образом можно по-настоящему начать строительство Афин красоты» [Ahokas, 1973. P. 294]. Своеобразным протестом против крайних форм национализма, разгула реакции было обращение пламеносцев к общеевропейской и русской культуре, стремление к наднациональному. «Молодые поэты даже не употребляют слово “национальность”, – характеризовал творчество пламеносцев критик Эрки Вала, – слово “Финляндия” – редко» [Vala, 1927. S. 13]. Направление пламеносцев распалось в 1932 году, одноименный журнал, издававшийся в 1932–1939 годах, объединял уже других, радикально настроенных левых писателей, входивших в объединение «Кийла» («Клин»). Наибольшую известность среди кийловцев получили Элви Синерво, Арво Туртайннен, Вильо Каява, Раоуль Пальмгрен.

В формировании художественных позиций пламеносцев 20-х годов большую роль сыграл экспрессионизм. «Пламеносцы были финской разновидностью экспрессионизма», – считает видный исследователь финской литературы профессор К. Лайтинен [Laitinen, 1981. S. 395]. Излюбленные экспрессионистские темы всеобщего братства, всеобщего страдания и вины прослеживаются во всех сборниках Ууно Кайласа. Пред-

Ja pelastummea tai hukumme,
me emme koskaan näe kotirantaa.
Ei meitä Kuolonmaassa tunne sukumme,
kun aavelaiva meidät sinne kantaa.
«Purjehtijat». S. 51

Как пасть дракона – глубина все круче,
В объятиях Атлантики корвет.
Поблескивает месяц из-за тучи –
Так смотрит дьявол,
Победивший свет.

Трещат, как мачты, мускулы и нервы –
Для каждого давно готов топор.
И к молнией расколотому небу
Направлен наш опустошенный взор.

Зной выжег мозг, и мясо пьяным стало,
Безумцы – мореплаватели. С нас
Как чешуя спадают идеалы,
Нам все равно, когда наш судный час.

Спасемся или сгинем в толще водной –
Нам берега родного не видать.
Когда корабль достигнет преисподней,
Нас не узнают ни отец, ни мать.
(Перевод Е. Сойни).

Корабль кайласовских мореплавателей – сама жизнь. И этот корабль дал трещину. Исхода никто не знает, нет ни идеалов, ни надежды, ни даже иллюзий – небо расколото, глаза пусты. Всеобщая беда или всеобщее спасение. Никто не победит в одиночку. Но мореплавателям все равно, ведь им не увидеть – и тут в стихотворении возникает патриотическая тема – родного берега.

Русский поэт и писатель Иван Савин, живший в это же время в Финляндии, словами героя рассказа «Лимонадная будка» вступил бы в полемику с Кайласом, что не надо дорожить «родным берегом», точнее, родной берег должен быть в душе, в душе должна светить звезда. Но в том-то и трагедия кайласовских героев, что их, еще живых, оставляет душа: «Как чешуя спадают идеалы». Это стихотворение финская молодежь знала наизусть, вслед за любимым поэтом поддерживая якобы безразличие к жизни. Однако, как считает Каарло Марьянен, в «Мореплавателях» Кайлас, несмотря ни на что, боготворит жизнь [Marjanen, 1958. S. 157].

Жажда жизни, действительно, в стихотворении выражена не декларативно, зашифровано. Для мореплавателей важны вечные жизненные ценности. Герои Кайласа теряют идеалы, но эти идеалы существуют; мореплавателям есть что терять, им не увидеть родного берега, значит, где-то есть этот берег; мореплаватели боятся, что их не узнают родные, то

есть они очень хотят быть признанными. И самое главное, мореплавателей много, они братья и борются не в одиночку.

Унто Купийainen некоторые темы сборника, связанные с эстетизацией смерти, объясняет влиянием Шарля Бодлера. Кайлас ценил творчество французского собрата по перу, перевел четыре его стихотворения из «Цветов зла». Более того, финский поэт подолгу жил во Франции, лечился и умер в Ницце. Но Франция не затронула души Кайласа. Это был просто факт его биографии.

За год до смерти Кайлас послал брату из Ниццы письмо, в котором делился впечатлениями о холодной французской красоте и признавался в любви Германии и Финляндии:

«Здесь морской ветер опасен, у меня першит в горле; примерно с четырех до семи погода такая, что даже дышать трудно; это время надо сидеть дома. Я бы отправился искать более солнечных мест где-нибудь южнее, но мой аккредитив для больших городов иссяк, как снег весной; когда я приехал сюда, у меня уже почти ничего не было. А сейчас денег у меня примерно на десять дней, правда, комната оплачена на месяц вперед. Поэтому мне пришлось обратиться за помощью. Но не в изд-во Вернер Седерстрем. Ты тоже не говори там ничего; думаю, что это может скомпрометировать меня перед некоторыми людьми. Я был всего лишь неопытным путешественником, да еще без знания французского языка; кроме того, мне просто не везло. Что я под этим понимаю, расскажу как-нибудь позже. Ну, конечно, я и от веселья не отказался. В этом отношении я больше доволен Берлином, чем Парижем; эти города совсем нельзя сравнивать; я просто рвусь сейчас в Берлин – все время скучаю по нему. Какое-то жившее во мне давно представление не могло осуществиться более реально, чем во время пребывания в Берлине. Она была ребенок и ангел, во всей своей сущности маленькое чудо, обожаемое с первого до последнего взгляда. В Париже я тоже видел много необычного; самое интересное ночное заведение, в котором я был, это, наверное, «Ле Монокль», оно принадлежит одной мадам, которая, говорят, стала знаменитой под именем «Лулу Монмартра», думаю, что эта знаменитость завоевана ненормальной сексуальной жизнью; в ее баре было несколько красивых существ, каких только бог мог создать на свет; пол было во многих случаях трудно определить, ибо все были одеты, как и Лулу, в смокинг и юбку. Конечно, красота

вначале затмила меня как в «Ле Монокле», так и в других местах. Но французская красота знает себе цену, гордо заявляет о ней, а в общем-то оказывается холодной, как лед. Посмотрел, улыбнулся, заплатил – и ушел один. Нельзя сравнивать Берлин и Париж в этом отношении, в каком, ты догадываешься сам. И вообще я уехал из Парижа без сожаления. Честно говоря, я ненавидел там Францию. <...>

Ко мне здесь (в Ницце. – Е. С.) относились по-свински, обдирали как могли. Если бы у меня была власть, я бы, прежде всего, повесил двух господ: хозяев гостиницы «Альберт» и соседнего ресторана. <...>

Хозяин гостиницы специально устроил так, чтобы я не мог встретиться со своими финскими знакомыми, которые несколько раз приходили в гостиницу и искали меня. Он сказал им неправильный номер и сказал еще, что я никогда не бываю дома. А я лежал с температурой с утра до вечера! И открытку, в которой доктор Лаунис приглашал меня на чай к консулу Финляндии, не посмели мне дать вовремя; я получил ее постфактум, когда уезжал. Вот так далеко заходит французское свинство!

Послушай, не можешь ли ты выписать мне «Хельсингин Саномат» на декабрь и на следующий год. Я уже две недели не слежу за событиями в мире; да и скучаю по вестям из Финляндии, прошло так мало времени, перед отъездом я и не предполагал этого. Тогда казалось радостью, что можно повернуться спиной к этой дерьмовой стране; сейчас голова сама поворачивается именно к этой старой дерьмовой стране. Люди там все же гораздо лучше здешних. Только бы не требовали с меня оплаты за подписку газеты до 15 января, тогда издательство «Вернер Седерстрем» пришлет мне первую партию» [Kailas, 1932].

В сборнике «С глазу на глаз» поэт акцентирует свой взгляд на теме духовного преодоления смерти, но борющаяся душа остается в одиночестве:

Katsot ympärillesi: aavikoita.
Hiljaisuuttaa kuuntelet, yksinäinen.
Itset silloin näät sinä ensi kerran
Silmästä silmään.

«Vaeltajan oodi». S. 71

Смотришь вокруг – пустыня,
Слушаешь тишину – одиночество.
И вот тогда видишься с собой
С глазу на глаз.

«Ода паломника»

Поэт становится замкнутым, погружается в себя. Это погружение, по мнению финских критиков, похоже на движение по воронке: от периферии к центру. От темы всеобщего братства, характерной для поэта-экспрессиониста, Кайлас возвращается к эстетическим установкам неоромантиков. Перед ним заново после Эйно Лейно встает вопрос об отношении героя и общества, возникает проблема индивидуализма и выхода из него, увеличивается интерес к внутреннему миру личности. Однако экспрессионистским остается импульс, крик, зов в его поэзии.

В стихотворении «Бронза» душа героя приобретает формы металла, герой уже и не человек, а застывший в пустыне сфинкс.

Kuva en ole kuollut:
Uumenissani sykkää
Sydän liekehtiväinen –
Mutta sen tuska on mykkää.

Erämaass olen sfinksi,
Luonani leijonat huhuu.
Olen äänetön – mutta
Kauttani Kohtalo puhuu.

«Pronassia». S. 111

Жить в бронзе – нет страшнее доли,
Ведь сердце пылкое во мне,
Но некому сказать о боли
В немой и страшной тишине.

Стою я, словно сфинкс в пустыне,
Где кличут львы,
Безмолвен я,
Но через бронзовые стыки
Взывает к вам Судьба моя.

(Перевод Е. Сойни).

Умирание живым, безысходная пустота, невозможность освобождения от сковывающей судьбы – главные образы стихотворения.

Страдания лирического героя изолированы от жизни. В какой-то степени они абстрактны. Поэт дает возможность своему герою «докричаться», послать свой зов. Но кому направлен его зов? Небесам? Людям? Несуществующему сыну? Это еще одна загадка кайласовской лирики.

В стихотворении «Сказка о нас всех» («*Satu meistä kaikestä*») лирический герой лепит из глины мальчика.

В сборнике «Босыми ногами» поэт находит единомышленника. Это его несуществующий сын. Отец и сын встречаются за письменным столом:

Työpöytäni reunaan vasten
näen leukasi, pikkumies

<...>

Sanot hiljaa sanan: Isä.
Ei mitään enempää.
Kun tahdon tarttua kätees,
Se äkkiä häviää.

«Poikani». S. 148–149

На краю моего рабочего стола
я вижу твой подбородок, маленький
человечек.

<...>

Тихо ты произносишь слово: Отец.
Ничего больше.
Когда я хочу взять твою руку,
она исчезает.

«Мой сын»

Для Кайласа связь с сыном – это прорыв в вечность. Иллюзия становится поэтической реальностью. И не так уж важно, что у самого Кайласа детей не было, он выразил надежду и чувства отца вообще, отца чувствующего и любящего.

– Minun poikani, silmissäsi
oman ikuisuuteni näin...

(S. 149).

– Сын мой, в глазах твоих
вечность свою замечаю.

Надо заметить, что лирическое «я» поэта – это духовное «я», и в этом смысле в отношении лирического героя к сыну выражена духовная забота поэта, отцовские чувства подняты до высокой духовности.

Последний сборник Кайласа «Сон и смерть» 1931 года наиболее известен и противоречив. С одной стороны, в книгу включены стихотворения с аллюзиями на темы Библии «Душа» («Sielu»), «Скрипка» («Violu»), «Мастер Амеде» («Mestari Amedé»), с другой – именно здесь опубликовано стихотворение «На границе», принесшее Кайласу славу реакционера.

Интеллектуал Кайлас был знаком с русской литературой. Он знал творчество Льва Толстого, Федор Достоевский был одним из его любимых писателей. На перевод «Братьев Карамазовых» 1927 года Кайлас написал рецензию. «Ужасающий мир», по выражению поэта, в романах Достоевского оказался близок его собственной поэзии и его экспрессионистскому мироощущению.

Стихотворение Александра Блока «Скифы», переведенное Рафаэлем Линдквистом, отозвалось в поэзии Кайласа дважды. Первый раз «Скифы» появляются в «Ceterum censeo» (Ceterum censeo, «впрочем полагаю» (лат.) – первая часть знаменитой фразы Катона Старшего «Впрочем полагаю, Карфаген должен быть разрушен». – Е. С.), написанном для празднования Дня независимости Финляндии

в 1930 г. Торжество проходило в Национальном театре в Хельсинки. Поэт призывает финский народ быть на страже:

Seisoa muurauslaastoin ja kalvoim,
Muutoin skyyttien anturat kovat
Ruhjovat luumme. Tuimat ovat
kasvot Kohtalolla.

«Ceterum censeo». S. 250

Стоять нам с мечами и кельмами,
Или скифов подошвы тяжелые
Раздробят наши кости –
Жестокое
Лицо у Судьбы.

И если в этом стихотворении только упоминаются скифы, то «На границе» написано с явной оглядкой на русского поэта.

Kaukaa aroilta kohoa
livana Julman haamu.
Turman henki, se ennustaa:
verta on näkevä aamu.

Mut isät harmaat haudoistaan
aaveratsuilla ajaa:
karhunkeihäitä kourissaan
syöksyvät kohti rajaa.

– Henget taattojen, sutuaat.
kuulkaa poikanne sana –
jos sen pettäisin, saapukaat
koston armeijana –:

<...>

Tulkoot hurttina aroiltaan!
Mahtuvat multaan tänne.

«Rajalla». S. 248–249

С дальних степей поднимается
призрак Ивана Грозного.
Гибели дух предвещает нам
Утро в кровавом зареве.

Седые отцы из могил встают,
скачут на конях призрачных,
в руках с медвежьими копьями,
к вехам границ устремляются.
– Духи отцов блаженные,
слушайте глас сыновний мой:
Если предателем стану я,
Армией мести будьте вы.

<...>

Пусть со степей идут варвары!
В нашей земле пусть улягутся!

Трудно сказать, что было поводом для написания этого стихотворения. В 1931 году во время выхода сборника ни в СССР, ни в Финляндии никто не думал о возможной советско-финляндской войне. Или это был хорошо оплаченный определенными кругами Финляндии заказ, или, говоря эзотерическим языком, пророческое видение, написанное

независимо от воли поэта. Кайлас был автором манифеста пламеносцев, считался по своим политическим взглядам достаточно левым, и вдруг написал стихотворение, которое сблизило его с идеологическим противником как всего направления пламеносцев, так и со своим собственным – Вейкко Антеро Коскенниemi.

Кайлас любил Финляндию, но позиции поэта и критика Коскенниemi, поддержавшего лапуасцев, и сами лапуасцы были ему чужды. В письмах из Франции 1933 г. свое нежелание возвращаться в Финляндию больной поэт объяснял появлением там лапуаского движения (профашистское движение в Финляндии, возникшее в городе Лапуа в 1929 г.):

«<...> я прочитал все книги, какие у меня с собой есть, от корки до корки <...> Каким утешением, каким наслаждением была бы в этих условиях финская газета! Я все ждал и ждал, чувствовал досаду и снова ждал. Финляндия все-таки во всех отношениях была бы более приличной страной, чем эта Франция, если бы там не было так холодно и вдобавок не было бы лапуасцев. Я уже неоднократно хотел обратно в Финляндию» [Kailas, 1933]. Резко против лапуаского движения написано стихотворение «Страна холодной весны» («Kylmän kevään ma»), в котором поэт предупреждает, что «черное крыло» ведет народ к гибели.

Стихотворение, не характерное для поэзии Кайласа, увы, стало его самым известным стихотворением. Катри Вала, друг Кайласа по направлению пламеносцев и по объединению «Ультра», уже в 1939 году написала памфлет, в котором осуждала декламаторов, читавших «пограничные стихи», в том числе и стихотворение Кайласа: «Одна политическая декламационная группа исполнила «пограничные стихи». Были собраны все стихи из финской поэзии, включающие в себя понятие «граница». Это понятие могло бы быть совершенно нейтральным, спокойным и географическим. В этих стихах и в манере декламации группы это было не так, это была эмоциональная граница. У нас, собственно, только одна таковая. Остальные границы действительно весьма географические. Кстати, такая «пограничная эмоциональность» нисколько не является особым свойством только нашей академической молодежи. <...> Очевидно, это всемирное примитивное чувство, поскольку если умело разжигать, то можно заставить почти любой народ ненавидеть другой. <...> Нужна ГРАНИЦА против голода! Там умирают маленькие дети больше, чем где-либо в Финляндии, а оставшиеся в живых пора-

жены рахитом, рассказывает школьный врач одного из приграничных районов» [Vala, 1981. S. 128].

Талант поэта, нуждающегося в средствах, мягко говоря, использовали. Патриотические стихи почти все были написаны по заказу. По мнению Е. Лилья, чувство родины у Кайласа было действительно патриотическим, лишенным черт национализма и шовинизма. Исследовательница подчеркивает, что «патриотизм Кайласа был глубже и гуманнее, чем у многих его современников» [Lilja, 1972. S. 125].

У самого Кайласа тоже есть стихотворение против границ «В Маленькой стране» («Pienessä maassa»), и тоже программное:

Raja-aitoja kaikkialla. Ja porteilla kilpi:
«Tämä on minun alueeni» ja «Kääny tästä!»
He mittaavat kuutiotuumin ilman toisillensa:
kas, hengitä tämä – ja lakkaa hengittämästä!
(S. 87).

Пограничные ограды везде.
На воротах написано:
«Это моя территория»,
«Поворачивай отсюда!»
Воздух отмеряется кубическими дюймами:
Вдохни – и перестань дышать!

Понимая, что слово в устах поэта в минуту вдохновения бывает вещим, Кайлас как бы оправдывается, что слово – божественно, но вложенное в уста человека, оно может иметь и разрушительную силу. Поэтому дело поэта – петь, а не разрушать:

Elämä on kaunis. Siksi laula!
Kuolema on pitkä. Laula siis!
Iltarusko, pilvet, kaste ota,
onni tyven ota säveliis.
«Linnut». S. 240

Жизнь прекрасна. Поэтому пой!
Смерть безмерна. Значит, пой!
Вечернюю зарю, облака и росу,
счастье тихое возьми в мелодии.
«Птицы»

Кайласа финские критики относят к «живой» поэзии, считая, что его поэзия занимает видное место в общественном сознании финнов. Но именно с Кайласа начинается в финской литературе раздел между поэзией живой и поэзией жизненной. Кайлас, поэт сновидений, фантазий, иллюзий, создавал свои интеллектуальные и нервные строки в отрыве от повседневности, от собственно той жизни, которую он воспевал. Знаток финской литературы доктор филологии Мартти Хаавио считает лирику Ууно Кайласа лучшей из всего, что написано в современности на финском языке! [Haavio].

Кайлас творчески воспринял все самое ценное, что было до него в финской поэзии, и сам положил начало традиции интеллектуальной лирики Финляндии.

Трагизм бытия – основной мотив в лирике Уно Кайласа. Его несомненный талант породил у последующего поколения финских поэтов увлечение чертами «болезненного», «замогильного», ненормального и вовсе не существующего мира. Реакционность Кайласа сочеталась в его поэзии с полунамеками, тонкими зарисовками, почти эскизными интонациями. «Могилы над морем», образы смерти, потустороннего мира пугали, а стиль завораживал и вызывал желание подражать. Копировались мрачные интонации, картины небытия, подавленности. После Кайласа для части финских поэтов стала характерна психологическая заостренность, философичность и некоторая умозрительность. Бесспорно, Кайлас стал предтечей финского модернизма.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сойни Елена Григорьевна

старший научный сотрудник, д. фил. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: elenasoini@gmail.com
тел.: (8142) 781886

Источники и литература

- Карху Э. Г.* Финская лирика XX века. Петрозаводск: Карелия, 1984. 320 с.
- Ahokas J.* A history of Finnish literature. Bloomington Indiana University, 1973. 390 p.
- Haavio M.* Käsikirjoitus // Suomen kirjallisuuden Seura. Arkisto 401: 121: 1.
- Kailas U.* Me // Tulenkantajat. 1924. N:o 1.
- Kailas U.* Kirjeenvaihto 1932–1933 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Arkisto 373: 2: 1, 2.
- Kailas U.* Runoja. Porvoo: WSÖY, 1966. 260 s.
- Laitinen K.* Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki, 1981. 676 s.
- Lilja J.* Runoilija ja eksistenssi. Jyväskylä, 1972. 194 s.
- Marjanen K.* Tutkisteluja. Helsinki: WSÖY, 1958.
- Vala E.* Post bellum floret // Tulenkantajat. 1927. N:o 4.
- Vala K.* – E. Valalle. 8.IX.1922 // Suomen kirjallisuuden Seura. Arkisto.
- Vala K.* Suorasanaista 30-luvulta ja luvuista. Helsinki, 1981. 280 s.

Soini, Helena

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: elenasoini@gmail.com
tel.: (8142) 781886